

Начало «драматической социологии»: история неопубликованной монографии А.Н. Алексеева «Средства массовой информации» (1973)

Рассмотрены первые исследовательские проекты известного российского социолога А.Н. Алексеева в области социологии массовой коммуникации: авторская теория массовой коммуникации, методологические исследования и методические разработки метода контент-анализа и социального эксперимента, эмпирические исследования СМИ (1965-1973), становление метода контент-анализа в советской социологии

1960-1970-х гг., история подготовки и запрета издания рукописи монографии А.Н. Алексеева «Средства массовой информации» в издательстве «Наука» (1973).

Ключевые слова: история социологии, методология, массовая коммуникация, контент-анализ.

Владимир Костюшев
кандидат философских наук
независимый исследователь

«Драматическая социология» А.Н. Алексеева (1934-2017) коллегам и исследователям истории советской и российской социологии хорошо известна. Многие темы теоретических, методологических и полевых исследований Алексеева описывались подробно: экспертный опрос «Ожидаете ли Вы перемен?» (1978-1983), методология наблюдающего участия (1980-1988), историко-архивный проект «Россия на изломе», связанный со сбором и анализом документов российской общественной и политической жизни (1989-2008). Известны коллегам другие исследования автора: общественного мнения, жизненного процесса, биографического метода, театральной аудитории и др.

Настоящая статья посвящена первым социологическим исследованиям Алексеева в период 1965-1973 гг.: разработке авторской концепции массовой коммуникации, развитию методологии контент-анализа и «натурного» социального эксперимента, проведению серии эмпирических исследований СМИ. Результаты исследований были представлены Алексеевым в серии научных статей, опубликованных в 1960-1970-е гг., а также в рукописи монографии «Средства массовой информации (проблемы теории и методологии исследования)» (1973), остающейся неизвестной профессиональному сообществу. Рукопись была завершена и передана автором в издательство «Наука» (Ленинградское отделение) в 1973 году, но не была опубликована¹. В рукописи и статьях представлены результаты начала социологической биографии Алексеева, его первые исследования в области теории и методологии изучения массовой коммуникации и являются важной и малоизвестной страницей истории советской социологии 1960-1970-х гг. Содержание рукописи и статей, а также история интеллектуальной и институционального конфликта, завершившаяся отказом издательства опубликовать монографию, обсуждаются в данной статье.

В 1965 году, когда Алексеев пришел в социологию, ему было 30 лет. Опытный журналист — 7 лет работы

в газетах (1956-1961, 1964-1965), и квалифицированный рабочий — 3 года (1961-1963) в горячих цехах (прокатном и электролизном) заводов Ленинграда и Волхова, поступил в аспирантуру факультета журналистики ЛГУ, чтобы заняться социологией печати и журналистики. Решение определялось скорее внешними обстоятельствами — изменение возможностей профессиональной работы журналистом в середине 1960-х, с завершением «оттепели», и понятным продолжением журналистской биографии, уже в формате исследования журналистики как института и профессии. У Алексеева было блестящее образование (филология и журналистика)², он хорошо знал историческую и философскую литературу, профессиональные журналистские навыки и пристальный интерес к общественным проблемам также определяли интерес к социологии.

Резкая смена профессий имела мировоззренческие и политические основания. Работа журналистом — в «Волжском комсомольце», «Смене», «Ленинградской правде» — была яркой и продуктивной, признание профессионализма Алексеева выразилось, в частности, в том, что в 30 лет он возглавил отдел промышленности и транспорта «Ленинградской правды» — главной партийной газеты в Ленинграде (1964). Но журналистская карьера была им самим прервана, поводом послужил конфликт с руководством газеты по поводу замалчивания протеста рабочих против «порочного стиля руководства» директора завода, где Алексеев прежде работал³. Но журналистская работа для Алексеева оказалась внутренне завершенной и по политическим причинам: если в начале 1960-х в прессе он открыто писал о реальных проблемах, то с завершением «оттепели» возможности для выполнения гражданской миссии журналиста, как понимал ее Алексеев, закрывались. Переход в социологию, новую и фактически неизвестную в СССР науку об «обществе», для Алексеева стал формой самосохранения и открытием новых возможностей интеллектуального и социального действия. В социологии в 1960-е годы сформировалось редкое для советской повседневности пространство интеллектуальной свободы, здесь работали яркие твор-

¹ В 2018 году рукопись обнаружена в домашнем архиве А.Н. Алексеева и передана в архив ЕУСПБ.

² «В школу пошел в 9 лет, сразу в 3-й класс, а через полгода - в 4-й. Золотой медалист при поступлении на филологический факультет ЛГУ представил в приемную комиссию свидетельство о рождении (ему еще не было 16 лет) и аттестат зрелости с пятерками по английскому, французскому и немецкому языкам. Окончил он славянское отделение, но его увлекла общественная деятельность, студенческие стройки, потому одновременно он получил журналистское образование. Был отличником-активистом, сталинским стипендиатом» (Докторов Б.З. Андрей Алексеев: профессия - социолог. (Интервью Б. Докторов В. Боду, 7 ноября 2011 г.) // В. Боду, Б. Докторов. Портреты российских социологов. Интервью для Радио Свобода. - М.: ЦСПиМ, 2012. - С.11).

³ Докторов Б.З. Современная российская социология: История в биографиях и биографии в истории. - СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. - С.240.

ческие люди, обсуждались важные и не представленные в журналистике общественные проблемы, проводились эмпирические исследования, публиковались интересные книги, не уступающие по актуальности публицистике, художественной литературе, театральным спектаклям и кинофильмам 1960-х.

В аспирантуре Алексеев начал осваивать новую для себя науку: изучал доступную в это время классическую и современную научную литературу, занимался историей мировой и отечественной социологии и журналистики, знакомился, в частности, с советскими «пра-социологическими» публикациями 1920-х гг., посещал не только обязательные, но и многие другие лекционные курсы в университете, в том числе лекции по математике, был слушателем лекций по социологии И.С. Кона и В.А. Ядова, обсуждал с новыми коллегами проблемы своего исследования, выступал с докладами на семинарах.

Начало социологической биографии Алексеева с первых шагов было конфликтным. В докладах на аспирантских семинарах он делился, в частности, результатами исторических поисков в области социологии печати 1920-х гг., и авторы описываемых им публикаций оказывались нередко репрессированными в 1930-е гг. и потому неудобными для руководства и упоминания в диссертации. Скоро выяснилось, что собственно социологические проблемы журналистики и деятельности журналистов как объект исследования⁴ — неинтересны руководству факультета. Социологическое исследование журналистики и защита диссертации, как ее задумывал Алексеев, на факультете журналистики ЛГУ становились маловероятными. Интеллектуальный конфликт грозил институциональным разрывом⁵ с аспирантурой, к чему Алексеев, возможно, был готов.

Знакомство с В.А. Ядовым, руководителем социологической лаборатории в Ленинградском университете, стало для Алексеева событием. Ядов предложил Алексееву заниматься профессиональной социологией — социологическим исследованием массовой коммуникации, и скоро стал научным руководителем⁶ его диссертации.

Тема СМИ в советской социологии середины 1960-х уже активно разрабатывалась и была предметом одним из немногих быстро развивающихся направлений социологических эмпирических исследований. Понятно, что теоретические основания исследований только формировались, публикации сводились, как правило, к определению предмета изучения, программные и методические тексты публиковались в малотиражных профессиональных изданиях⁷, методический арсенал ограничивался, как правило, опросами читательской аудитории, масштабные эмпирические исследования массовой коммуникации оставались редкостью, профессиональных публикаций и семинаров было немного. Вместе с тем именно в социологии массовой коммуни-

кации, изучении прессы и телевидения, заявлялись новые для советской социологии теоретические и методические подходы: в общетеоретических работах В.А. Ядова, А.Г. Здравомыслова, Ю.А. Левады, теоретических и методологических исследованиях Б.А. Грушина, Б.М. Фирсова и других социологов определялись новые, неизвестные журналистике, проблемные области, разрабатывались строгие методические процедуры эмпирических исследований и, в целом, существенно раздвигалось пространство интеллектуальной свободы. Возможности социологии как интеллектуального и социального действия, к чему стремился Алексеев, были несопоставимы с журналистикой.

После завершения в 1968 году аспирантуры факультета журналистики Алексеев решил не защищать подготовленную диссертацию и, по приглашению В.Н. Шубкина, работал в течение полутора лет (1969-1970) в Новосибирском Академгородке, в Институте философии и права Сибирского отделения АН СССР. Здесь он продолжил разработку теории массовых коммуникаций, участвовал в масштабном эмпирическом изучении советской прессы (газеты «Труд», «Известия», «Правда», «Литературная газета»), проводимом лабораторией социологии печати под руководством В.Э. Шляпентоха. Именно в рамках этого проекта Алексеев — совместно с В.С. Дудченко и другими коллегами — проводил самостоятельное исследование на основе метода контент-анализа. В 1970 году Шляпентох в научно-популярной монографии «Социология для всех» подробно описывает метод контент-анализа («метод анализа содержания») как быстро развивающуюся отрасль конкретной социологии, описывает технику выделения и измерения «единиц наблюдения», особенности лингвосоциологического анализа прессы, приводит результаты эмпирических исследований и подчеркивает, что эта методическая и эмпирическая работа осуществлялась под руководством А. Алексеева⁸. В эти годы (1968-1971) Алексеев также инициировал и провел — в сотрудничестве с В.П. Секериним — уникальный для советской социологии 1960-х «натурный» социальный эксперимент по изучению эффективности одной из районной газет в Бурятской АССР. Эти материалы, а также прежние (1967) эмпирические исследования ленинградской прессы, вошли в содержание кандидатской диссертации (1970) и рукописи монографии автора (1973).

В благоприятной интеллектуальной и институциональной среде Новосибирского Академгородка, знаменитого атмосферой свободомыслия, Алексеев защитил в апреле 1970 г. кандидатскую диссертацию «Некоторые проблемы социологического изучения массовой коммуникации (на примере прессы)» ставшей результатом большой теоретической и эмпирической работы, проводимой в течение пяти лет, с 1965 г. Реальным руководителем диссертации — от социологии — был

⁴ В начале 2000-х в качестве объекта изучения Алексеев обратился к самим социологам, что привело к конфликту с коллегами (как и с журналистами в 1965) и увольнению автора из Социологического института РАН. Исследование представлено в монографии: А.Н. Алексеев, Р.И. Ленчовский. Профессия - социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН - 2008 / 2009 и не только). - СПб.: Норма, 2010.

⁵ О сопряженности интеллектуальных и институциональных конфликтов в биографии Алексеева см.: Костошев В.В. Драматическая социология Алексеева: открытие через преодоление // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 4. С. 178-183.

⁶ Другим официальным руководителем был к.филол. наук С.В. Смирнов.

⁷ Сборники семинаров Кяэрику, «47 пятниц», другие малотиражные методические сборники становились библиографической редкостью сразу после издания, передавались нередко для «чтения на ночь».

⁸ Шляпентох В.Э. Социология для всех. М., «Советская Россия», 1970. - С.207 и др.

В.А. Ядов, оппонентами известные в советской социологии специалисты Л.Н. Коган и Р.Г. Яновский.

В диссертации автор ставит масштабную теоретическую задачу, необычную для кандидатских диссертаций: «выделить собственно социологический аспект анализа массовой коммуникации и построить исходную концептуальную схему для осуществления конкретно-социологических исследований». В трех главах подробно анализируются понятия и концепции, связанные с категорией «массовая коммуникация», описываются исторически сложившиеся направления зарубежного исследований прессы, радио и телевидения и их аудиторий — немецкого (историографического и абстрактно-теоретического), французского (политико-социологического и юридического) и американского (эмпирического, социально-психологического), а также советских публикаций по социологии печати 1920-х гг. и современных автору исследований.

Алексеев критически описывает представленные в советской социологии многие концептуальные «схемы» массовой коммуникации («авторы необоснованно называют их моделями») и предлагает к рассмотрению в качестве центрального понятия предлагаемой им концепции категорию «коммуникативной деятельности». Замечу, что знаменитая теория «коммуникативного действия» Ю. Хабермаса опубликована только в 1981 году⁹, его творчество было кратко представлено только в т.н. «критике западной социологии», развернутое описание только с 1975 года.

В диссертации Алексеев категорично, в пике распространённым в советской литературе взглядам, формулирует: «Подход к коммуникации как к деятельности представляется принципиально правильным в социологическом анализе, в отличие от анализа с позиций кибернетики или какого-либо еще». «Как всякая деятельность, коммуникация есть целесообразная, опосредствованная и продуктивная деятельность», при этом «деятельностная модель коммуникации работает в специфическом, нетривиальном варианте». Далее описывается теоретическая модель коммуникации, названная автором в последующих публикациях «субъект-субъектной», с введением в теорию коммуникации «аксиальных» и «ретиальных» коммуникативных процессов (термины из понятийного аппарата теории информации, но также, замечу, были известны Алексею через технические характеристик промышленного производства), «знакового», «предметно-вещного», «технического», «институционального» уровней опосредствования коммуникации и других новых для советской социологии терминов.

Представлению материала эмпирических исследований автора предшествует вторичный социологический анализ описания связей легальной социал-демократической печати с рабочими в статьях Ленина 1912-1914 гг., что было необычно для советской литературы 1960-х. В обзоре исследований массовой коммуникации в СССР — большой корпус публикаций советских социологов, с особым вниманием автор анализирует результаты исследований аудитории прессы и телевидения В.Э. Шляпентоха и Б.М. Фирсова. В описании эмпирических данных обращает, в частности, внимание на различие реальной и потенциальной аудиторий изданий и другие новые для социологии 1960-х гг. вопросы.

В качестве самостоятельной важной темы Алексеев представляет методические результаты исследований: систематизирует эмпирические индикаторы эффектов коммуникативной деятельности, предлагает эмпирические показатели эффективности коммуникации («планы» «выбора и включенности», «эмоционального отношения», «осведомленности/информированности», «интеллектуального отношения», «убежденности» «реализации в практической деятельности»), обсуждает взаимосвязанность и представленность показателей в эмпирических исследованиях, предлагает «путь обогащения» этих показателей комбинациями проективных, ситуационных вопросов. При обсуждении проблемы согласования теоретических понятий и эмпирических данных приводит материалы авторского исследования критики в ленинградских газетах 1967 г.

Материалы диссертации представлены автором в 16 публикациях за 1967-1970 гг., в т.ч. статья: «К вопросу о предмете социологии печати» (Вестник МГУ, 1967, №4), серия докладов на семинарах в Кяэрику I, II, III, издаваемых Тартуским университетом «Изучение прессы в целях изучения общества» (1967), «Ориентации анкетированных на опросы и проблема репрезентативности» (1968) и др.

Это время, по свидетельствам друзей, было счастливым для Алексея. Интеллектуальная солидарность с коллегами, представителями поколения «шестидесятников» — А.Г. Здравомысловым и О.И. Шкаратаном, А.Г. Харчевым и В.Н. Шубкиным, В.С. Шляпентохом и В.А. Ядовым — и безусловная институциональная поддержка его исследовательских устремлений были важнейшими условиями творческой работы.

Рабочий вариант рукописи диссертации Алексея, с которым он приехал в Новосибирск, составлял более 1 тыс. страниц. После доработки и сокращения была подготовлена кандидатская диссертация, а в Ленинграде, уже работая в Ленинградских секторах Института философии АН СССР, Алексеев завершил объемную (242 с.) рукопись монографии «Средства массовой информации». Книга была включена в план изданий и передана в Ленинградское отделение издательства «Наука» (1973). Научным редактором монографии был В.А. Ядов. В рукописи книги — результате 8-летней работы — Алексеев изложил новую для советской социологии теорию массовой коммуникации, предложил авторскую версию метода контент-анализа, представил результаты серии эмпирических исследований, материалы социального эксперимента. Текст изложен профессиональным — неидеологическим — языком, в котором не было цитат из речей генсеков и материалов партийных съездов.

И после передачи завершённой рукописи в издательство возникли неожиданные для автора, научного редактора и самого издательства обстоятельства, вследствие которых издание монографии было остановлено. Рецензент рукописи В.Я. Ельмеев констатировал игнорирование Алексеевым «учения исторического материализма о базисе и надстройке» с выводом,

⁹ О работах Хабермаса Алексеев мог знать из советской критики авторов Франкфуртской школы. Тексты самого Хабермаса начали издаваться в СССР с 1989 г.: Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. — 1989. № 2 и др. Ссылка на оригинальные работы Хабермаса в текстах Алексея нет.

достойным газетного фельетона: «здание теории А.Н. Алексеева оказывается без марксистского фундамента, оно стоит на песке позитивистских концепций».

Методологические и теоретические основания подхода Алексеева к пониманию массовой коммуникации, понятно, продолжали диссертационное исследование. В.А. Ядов, научный редактор рукописи, в предисловии кратко и точно представил содержание монографии: «*Настоящая монография посвящена проблемам социологического изучения средств массовой информации (пресса, радио, телевидение) в современном обществе. Обозревается широкий круг подходов к исследованию массовой коммуникации (информационно-пропагандистского процесса) в советской и зарубежной науке. Книга содержит попытку выявления основных социальных закономерностей функционирования и развития средств массовой информации, на базе марксистской общесоциологической теории и с учетом современных исследований вопроса. Автор предлагает оригинальный способ построения социологической модели массовой коммуникации, с использованием понятий деятельность, социальный субъект и социальный институт в качестве ключевых. Основной принцип этой модели можно кратко выразить следующей формулой: массовая коммуникация есть язык общества, обращенный им к самому себе (парафраз известного высказывания Маркса о печати). При этом общественно-исторический тип массовой коммуникации решающим образом определен социально-классовой природой субъектов, взаимодействующих в этом процессе, и характером отношений между ними. На богатом фактическом материале в книге рассматривается методический опыт конкретно-социологических исследований последнего десятилетия. В частности, обсуждаются проблемы применения вторичного анализа, комплексного исследования, социального эксперимента и контент-анализа в изучении средств массовой информации. Специальный раздел книги посвящен методологическому разбору классического примера конкретно-социологического анализа прессы — ленинского исследования связей рабочей печати и рабочего класса (1912-1914 гг.)»¹⁰.*

Основные исследовательские темы представлены автором в оглавлении монографии: Глава I. Средства массовой информации в поле зрения социальных наук (1. Из прошлого и настоящего исследований прессы (опыт систематизации). 2. Основные направления исследований средств массовой информации в СССР. 3. Массовая коммуникация: некоторые определения и модели). Глава II. Опыт теоретико-социологического анализа массовой коммуникации. (4. Коммуникация и общение. Структура коммуникативной деятельности. 5. Распространение информации в обществе. Генезис массовой коммуникации. 6. Язык общества, обращенный им к самому себе (опыт социологической модели). 7. Некоторые пути дальнейшей конкретизации социологической модели массовой коммуникации). Глава III. Из опыта конкретно-социологического анализа массовой коммуникации (методологические и методические проблемы). (8. Социологическая практика: предвари-

тельные замечания. 9. В.И. Ленин исследует рабочую прессу (1912-1914 гг.). 10. Некоторые процедуры и результаты конкретно-социологических исследований последних лет. 11. О качественно-количественном анализе содержания массовой информации). В списке литературы 186 наименований¹¹.

Обзор западной литературы автор провел на основании собственного изучения доступных ему оригинальных источников, а также по публикациям советских авторов с обзором — «критикой» — западной социологии. Алексеев описывает основные концепции массовой информации в Германии, США и Франции, которые разделяет на три группы по критериям «специфики объекта», «культурно-научной традиции», «социального заказа». Данный раздел близок тексту диссертационного исследования. Немецкое «газетоведение» Алексеев описывает как «историографическое» и абстрактно-социологическое», которому «не собственно эмпирическое изучение». Французские исследования в области информации рассматриваются на примере Французского института прессы, программа его деятельности акцентируется на политико-социологическом и юридическом анализе. Отдельно рассматривается методология Ж. Кейзера как «комплекс методов статистического описания сети периодической печати и структурного анализа содержания газеты». В американской традиции исследования массовой коммуникации развиваются, — подчеркивает Алексеев с памятью об аспирантуре факультета журналистики ЛГУ, — вне связи с изучением «журнализма» и связаны с задачами и методами эмпирической социологии, а также с социологией политики, общественного мнения, массовой культуры. Автор подчеркивает: «Социология массовой коммуникации внедрилась на журналистских факультетах американских университетов как ведущая дисциплина». При описании европейских и американских исследовательских традиций Алексеев ссылается на работы советских социологов Г.Е. Зборовского, В.С. Коробейникова и др., цитирует доступные тексты Ж. Кейзера, Б. Берельсона и других западных авторов.

В начале 1970-х, когда Алексеев готовил рукопись к изданию, многие классические в последующем теории в области социологии массовой коммуникации, вошедшие в хрестоматию европейской и американской социологии, еще только формировались: концепция «информационной цивилизации» Э. Тоффлера была опубликована в 1970, теория «информационного общества» Д. Белла сложилась к 1973, через 10 лет (1981) была опубликована фундаментальная теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, теория «сетевого общества» М. Кастелса и других авторов развивалась в 1980-е гг. При этом концепция Алексева — с его ключевым понятием «коммуникативной деятельности» — ясно перекликается с теоретическими направлениями мировой социологии, прежде всего с «коммуникативным действием» Хабермаса. Понятно, что авторы «высоких теорий» обсуждают сопряженные проблемы, формулируют понимание близкими понятиями. Советские авторы, самостоятельно разрабатывающие теоретические подходы к социальным процессам (как пра-

¹⁰ Алексеев А.Н. Средства массовой информации. Рукопись. 1973. С.2. Архив ЕУСПб.

¹¹ К сожалению, в сохранившейся рукописи отсутствуют последние страницы со списком литературы на иностранных языках, упоминаемой в тексте книги, всего в списке более 200 наименований публикаций.

вило, незнакомые с дискуссиями западных коллег), откликались на общие тенденции и «вызовы времени» в меру своей ограниченной профессиональной компетенции¹², но формулировали нередко близкие мировым трендам теоретические модели. Теоретические конструкции авторов в разных культурах и странах в одно историческое время — замечательный предмет для эвристических исследований.

Обзор советских исследований СМИ Алексеев начинает, как и в диссертации, с «пра-социологических» публикаций 1920-х гг., описывает работы в области социологии печати — С.Б. Ингулова, В.А. Кузьмичева, Я.А. Шарифа и др. Анализирует методические документы исследований — «Анкету рабочей газеты» 1925 г., анкету «Рабочей Москвы» конца 1920-х — с обобщением: «в исследованиях 20-х гг. обнаруживаются зачатки большинства современных конкретно-социологических методов, от интервью и анкетирования до качественно-количественного анализа содержания газет»¹³.

В социологии конца 1950-х — начала 1960-х автор обращает особое внимание на эмпирические исследования социологической лаборатории Тартусского университета Ю. Вооглайда (1959), Института общественного мнения «Комсомольской правды» Б.А. Грушина (с 1960 г.), описывает десятки публикаций в области социологии СМИ второй половины 1960-х — начала 1970-х гг. — монографии и научные статьи, в т. ч. материалы тематических социологических семинаров в Кяэрику (1966, 1968), сборников «47 пятниц» и некоторые другие профессиональные издания. Автор описывает — с подробной библиографией — основные направления эмпирических исследований массовой коммуникации: ориентации и информированность населения, особенности телевизионной и радиоаудитории, аудитории прессы, особенности «пишущего слоя» аудитории, содержания СМИ, журналистских кадров и некоторые другие темы. Обращает внимание на диссертацию Б.М. Фирсова (1969) и его книгу «Телевидение глазами социолога» (1971), на программу и методические документы исследования «Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов» Б.А. Грушина (1972), ставших основой его знаменитого «Таганрогского проекта».

Особое внимание Алексеев обращает на макротеоретические и методологические основания исследований массовой коммуникации и в результате анализа делает важный для собственной теоретической работы вывод о «дефиците общей социальной теории» в области современной — западной и советской — социологии массовой коммуникации. Описание «общих моделей коммуникации» и самого понятия «массовая коммуникация» западных (Дж. Гербнер, Ч. Райт, Дж. Клеппер и др.) и советских (Б.А. Грушин, Л.Н. Коган, В.Э. Шляпентох, Б.М. Фирсов и др.) авторов Алексеев завершает обращением к общесоциологическому определению М.С. Кагана «системного понимания человеческой деятельности» и анализом базовых определений. Развернуто представлены в этой области концептуальные модели Б.М. Фирсова (через «запросы и ожи-

дания аудитории»), В.Э. Шляпентоха (через «потребительское благо»), Ю. Вооглайда (через «посредников массовой информации»). При этом критикует «эклектичную» «динамическая модель» Г.И. Хмары, теоретически «небрежные» предложения Е.Ф. Губского, в предложенной же Л.Н. Коганом модели, по Алексееву, нет «никакого социологического объяснения», — так категорично автор рукописи характеризует тексты оппонента своей диссертации.

Представление авторской теоретической модели массовой коммуникации автор начинает с базовых — не психологических или кибернетических, а собственно социологических категорий «деятельность», «субъект», «институт». «Нам представляется, — формулирует Алексеев, — что введение понятий деятельности, субъекта и института в модель способствовало бы переводу рассуждений в собственно социологический план — не кибернетический («источник», «приемник», «канал» информации), не психологический («коммуникатор», «реципиент» и т.д.) и не какой-то еще. Это снизило бы опасность эклектизма и смешения разных аспектов и уровней анализа, что пока довольно распространено в моделировании информационно-пропагандистского процесса. Подход к массовой коммуникации как особой деятельности социального субъекта определенного типа и как процессу, опосредованному соответствующим социальным институтом, проводится в наших работах на протяжении ряда лет»¹⁴. И предлагает авторское понимание «социологической модели информационно-пропагандистского процесса».

В анализе понятий «деятельность», «коммуникация», «общение», «знак», «субъект» и др. Алексеев использует термины «субъект-1» и «субъект-2» (фактически предлагает «субъект-субъектную» модель понимания) и обращает внимание на «определенное теоретическое затруднение» понимания некоторых понятий — «объективированной информации», «слитности производства информации и ее передачи», «их относительной обособленности» «в более сложных случаях», в конечном счете — на «единство производства объективированной информации и воздействия этой информацией»¹⁵. Важно пояснение: «Во избежание крутой ломки сложившего словоупотребления, один и тот же термин — коммуникация — будет использоваться нами для обозначения: а) коммуникативной деятельности субъекта-1 и б) целостного процесса, складывающегося из деятельностей субъекта-1 и субъекта-2. В этом последнем смысле коммуникация, как и всякий социальный процесс, так же оказывается обменом деятельности». Далее модель «коммуникативного процесса» развивается автором через анализ «социального института» как «живой деятельности» людей, массовых средств общения, а также соотношения «ретальных и аксиальных форм» коммуникации, подробно представленных прежде в диссертации, и других теоретических конструкций и «опосредующих звеньев».

Предложена автором и краткая формула модели —

¹² Соколов М., Губа К., Зименкова Т., Сафонова Т., Чуйкина С. Как становятся профессорами: академические карьеры, рынки и власть в пяти странах. — М., НЛЮ, 2015.

¹³ Алексеев А.Н. Средства массовой информации, с.26.
¹⁴ Там же, с.53. Алексеев ссылается на свою статью: Алексеев А.Н. К определению основных понятий теории массовой коммуникации // Журналист. — 1967. — №2-4, а также на автореферат диссертации (1970).

¹⁵ Там же, с.70.

с отсылкой к определению молодого Маркса («язык народа, обращенный им к самому себе»): «массовая коммуникация есть язык общества, обращенный им к самому себе». Вместе с описанием теоретических характеристик модели Алексеев обратил внимание на важные прикладные возможности ее использования в понимании «кисотоков лицемерия», лживости и правды. В целом предлагаемую теорию Алексеев назвал «алгебраическим решением задачи. При этом, ее применение не сводится к простой подстановке эмпирических значений»¹⁶.

Можно предположить, что публикация монографии Алексеева в 1973 году могла стать событием советской социологии 1970-х гг., представленная теория и методология могла повлиять на многие концептуализации советских социологов, как в социологии массовой коммуникации, так и в других областях советской социологической науки.

Методологический раздел монографии автор начинает с констатации: «теоретико-методологическое оснащение значительной части исследований пока оставляет желать лучшего». После обсуждения операционализации понятий, поиска эмпирических значений, эмпирической интерпретации, типичных ошибках истолкования, «приблизительных и осторожных сопоставлений данных», а также возможностях вторичного анализа и других методологических вопросов Алексеев проводит сравнительный анализ методов социологического исследования. Авторские методические приоритеты, связанные с его знанием метода контент-анализа, заявляются определенно: «Внедрение контент-анализа — наряду и на равных правах с опросами — принадлежит к числу актуальнейших методических проблем». Обозначается актуальность панельных исследований и социального эксперимента («мы имеем в виду не только и не столько лабораторный (или «полулабораторный») эксперимент, сколько эксперимент «натурный», непосредственно включенный в деятельность органа массовой информации. В применении этого метода (...) пока что делаются лишь первые шаги»¹⁷.

В Новосибирске Алексеев не только активно использовал метод контент-анализа для изучения прессы, но также организовал и провел первый в СССР семинар по методологическим проблемам контент-анализа, в котором участвовали многие советские социологи. Алексеев на семинаре представил результаты собственных методологических и эмпирических исследований. Материалы семинара, редактором-составителем которых стал Алексеев и в которых ему удалось собрать тексты Б.А. Грушина, В.Э. Шляпентоха, А.В. Баранова, А.Г. Здравомыслова, В.Н. Дмитриевского, О.Б.

Божкова, Л.Н. Федотовой, М. Лауристин, Т.М. Дридзе и многих других социологов, опубликованы в 1973 году¹⁸. Отмечу, в рукописи и многих публикациях Алексеев подробно описывал проведенные к началу 1970-х методологические и эмпирические исследования многих коллег — А.В. Баранова (1968)¹⁹, Л.Н. Федотовой (1969), В.С. Коробейникова (1969). М. Лауристин (1972) и других авторов, обращавшихся к методу контент-анализа. Отмечу также, что Алексеев активно публиковал описания метода в различных научно-популярных изданиях — «Знание-сила»²⁰, «Рабоче-крестьянский корреспондент» и др.

Контент-анализ рассматривается²¹ как техника «для объективного, систематического и количественного описания явного содержания коммуникации» (используется определение американского социолога Б. Берельсона, автора учебника «Контент-анализ в изучении коммуникации»), но рассматривается Алексеевым «с позиций более широкой концептуальной схемы, учитывающей структуру познавательной деятельности (ее объекты, цели, средства)». Автор предлагает в итоге следующее определение: «Контент-анализом будем называть анализ содержания массовой совокупности текстов с использованием формализованного наблюдения и статистических процедур в целях познания социальных закономерностей, объективированных в этих текстах»²².

Актуальным для использования метода многими исследователями является предостережение: «Контент-анализ не есть лишь количественный анализ, это — качественно-количественный анализ содержания массовой совокупности текстов в социологических целях. На последнее обстоятельство стоит обратить особое внимание. Так, выявление частот встречаемости тех или иных букв в текстах не есть контент-анализ, — подчеркивают авторы со ссылкой на публикации по общей теории измерений, — поскольку отсутствует цель познания некоторой социальной закономерности. О контент-анализе правомерно говорить лишь там и тогда, где и когда алгоритм наблюдения и операциональная схема соответствуют понятийной схеме, в свою очередь опирающейся на ту или иную социологическую гипотезу. Конечным итогом анализа является отнюдь не частоты тех или иных формально определенных признаков или их сочетаний, а подтверждение или опровержение гипотез, выявление и, в известном смысле, измерение социальных тенденций, выраженных в массиве текстов»²³.

Достоинство метода контент-анализа состоит в строгости, которая обеспечивается, по мнению авторов, «соблюдением двух важнейших условий: обоснованность процедуры (ее соответствие задаче и определенной системе теоретических принципов) и надежность, т.е. воспроизводимость результатов (разные ис-

¹⁶ Там же, с.80.

¹⁷ Там же, с.143.

¹⁸ Методологические и методические проблемы контент-анализа (Тезисы докладов рабочего совещания социологов). Ч.1-2. / Ред.-сост. А.Н. Алексеев. — Москва — Ленинград. — 1973

¹⁹ Алексеев подчеркивал, что А.В. Баранов первым в СССР использовал метод контент-анализа в эмпирическом исследовании газет. В работе по сбору и обработке материалов исследования участвовала студентка философского факультета ЛГУ Г.В. Старовойтова.

²⁰ Алексеев А.Н. Контент-анализ: очевидные свидетельства неочевидного // Знание-сила. 1971. №9. С.16-17.

²¹ Параграф "О качественно-количественном анализе содержания массовой информации" в монографии написан Алексеевым в соавторстве с новосибирским социологом В.С. Дудченко.

²² Алексеев А.Н. Средства массовой информации, с.199.

²³ Авторы ссылаются на публикацию: Алексеев А.Н., Дудченко В.С. К определению специфики контент-анализа как социологического метода // Точные науки в исследованиях культуры и искусства. М. — 1971.

следователи, пользуясь одной программой, получают на одном объекте одинаковые результаты). Тем самым исключается «интуитивный произвол» и достигается объективность (в рамках избранной концептуальной схемы).

Подробно рассматривается конкретный пример качественно-количественного анализа содержания массовой информации — с выделением единиц наблюдения: «упоминание», «ключевое слово», «суждение», «целостное сообщение» и др., а также удельного веса «элементов содержания», и обсуждением «плюсов» и «минусов» разных техник количественного анализа. Предпочтение отдается технике тартусских социологов (М. Лауристин, П. Вихалемм), сводимой к «параллельной регистрации элементов содержания, которые, в рамках сообщения, выступают в качестве главных (тем и т.д.), и тех же элементов, когда они выступают в качестве второстепенных или «побочных». Такое наблюдение является более тонким и точным»²⁴. Описываются и другие техники анализа.

В собственном прикладном исследовании решалась непростая методическая задача: «найти такой интегральный показатель удельного веса категории, в которой отразились бы и положение данного предмета в составе отдельных сообщений, и подробность освещения соответствующего предмета, и суммарная площадь, занимаемая на страницах газеты». Для решения задачи использовались три способа наблюдения: (а) фиксирование случаев, когда категория присутствует в сообщении в качестве главной или второстепенной, (б) фиксирование случаев, когда категория присутствует в качестве подробно анализируемой, просто освещаемой или попутно упоминаемой, (в) фиксирование объема материалов, в которых категория оказалась главной».

Авторами задается вопрос: «Как объединить все эти разнообразные данные в едином показателе?», и предлагается решение: «В итоговом показателе таким частотам должен быть придан разный вес. Это осуществимо при помощи элементарных математических процедур, с использованием балльных коэффициентов и средневзвешенных оценок. Баллы для главных, второстепенных и т.д. категорий задаются сообразно с рангами в шкалах порядка. Сначала выводятся три «промежуточных» показателя, каждый из которых соответствует какому-то одному способу наблюдения. Затем эти показатели усредняются, или взвешиваются как равноценные, что и дает нам итоговый, интегральный показатель». Предложенная формула использована в исследовании содержания «Литературной газеты» (4 номера за декабрь 1969 г.): «для еженедельника, каким является «ЛГ», даже четырех номеров (месячный комплект) достаточно, чтобы получить представительную картину ряда важнейших характеристик содержания за довольно продолжительный период (...). В этом убедило контрольное наблюдение над картотекой персоналий «Литературной газеты» 1967 г. Удельный вес внутрисоюзной тематики в декабрьских номерах 1969 г. составлял 72,6% и зарубежной — 27,4%. А соотношение упоминаний отечественных и зарубежных персоналий за весь 1967 г. составило соответственно 73% и 27%»²⁵.

В монографии представлены также материалы необычного для 1960-х гг. социального эксперимента по

изучению эффективности одной из районной газет, проведенного Алексеевым совместно с В.П. Секериным. В течение трех лет (1968-1971) исследователи имели возможность менять соотношение местных и «не местных» материалов в районной газете «Вперед» («вплоть до почти полного изъятия последних со страниц газеты»²⁶ — текстов, фотохроники ТАСС и др.) и измерять эти изменения методом контент-анализа. До начала эксперимента (1967) доля «не местных» материалов составляла 46% газетной площади, в 1969 (2-й год эксперимента) — около 3%, в 1970 — менее 1%. На основе контент-анализа (базовая категория — «предмет освещения в публикации» с выделением категорий «масштаб», «сфера» и др.). В результате, отмечает Алексеев, тираж издания вырос с 2,4 тыс. в 1968 до 5,8 тыс. в 1971. Увеличилась читательская почта издания — с 660 писем в 1967 до 2980 в 1970, в почте произошли структурные изменения: доля писем рабочих и колхозников увеличилась в 3 раза, почта стала более критичной и др.

Описание эмпирических данных завершается обобщением: «процедуры контент-анализа выявляют иногда замечательную устойчивость некоторых параметров содержания одного и того же органа массовой информации за близкие периоды и разных органов информации, более или менее однотипных, за один и тот же период. Такая устойчивость свидетельствует о неслучайности получаемых показателей, об их действительной способности количественно отразить определенные, действующие в широких пространственно-временных границах социальные тенденции».

Предложена и краткая формула — рифмованный афоризм: «Измеряй то, что действительно хочешь измерить, и так, чтобы тебя можно было проверить», — таковы два важнейших требования к контент-анализу, как и ко всякому конкретно-социологическому методу».

Почему же издательство «Наука» не решилось издавать первую монографию Алексеева? Приведу — в качестве исторического документа советской социологии и примера стиля официальной бюрократической переписки начала 1970-х — редакционное заключение издательства «Наука» (Ленинградское отделение), сохранившееся в архиве Алексеева.

Позитивная часть заключения ограничивается точной констатацией масштаба работы: рукопись «представляет собой фактически первую попытку разработки теоретических и методологических проблем исследования массовых коммуникаций. (...) Автор ставит своей целью не только анализ массовой коммуникации как особого социального феномена, но и построение теоретической модели массовой коммуникации, которая могла бы служить основой для исследования эффективности средств массовой коммуникации. В этом направлении автором проделана очень большая, во многом новая работа».

Негативная часть также весьма точно обозначает принципиальные методологические и теоретические отличия подхода Алексеева от идеологической догматики советской версии «исторического материализма»

²⁴ Там же, с.205.

²⁵ Там же, с.210.

²⁶ Алексеев А.Н. Средства массовой информации, с.189.

(орфография оригинала сохранена): «Однако, весь этот огромный труд оказался с самого начала обреченным на неудачу из-за ошибочной методологической позиции автора. Увлечшись конструированием «специальной социологической теории массовой коммуникации», он уже на исходных позициях выпустил из вида значение общей социологической теории — исторического материализма²⁷. Это закономерно привело к тому, что автор, помимо своей воли, уже на исходном рубеже оказался на позициях совсем другой методологии: вместо марксистского учения о базисе и надстройке он начинает конструирование по западной структурной социологической схеме общества: «индивид — группа — институт». «В соответствии с этой схемой, — продолжают авторы заключения, — автор пытается вывести «модель» коммуникации на институциональном [так в машинописном тексте — В.К.] уровне, исходя из некой абстрактной общей структуры деятельности. Превращая коммуникацию из вида общественных отношений в вид деятельности, он строит на этой основе свою теорию «субъект-1» и «субъект-2», где сама целесообразная деятельность как особый момент исчезает, а под субъект-1 и субъект-2 можно подставить или отдельные индивиды, или классы — схема работает в любом случае». Авторы заключения ссылаются на автора внешней рецензии: «Как хорошо показал в своей рецензии на рукопись А.Н. Алексеева проф. В.Я. Ельмеев, это соответствует попыткам западных социологов растворить общественные отношения в деятельности, и все последующие совершенно верные рассуждения автора о классовой сущности массовой коммуникации, коренных различиях между социалистической и буржуазной прессой и т.д., изменить ничего не могут: все здание теории А.Н. Алексеева оказывается без марксистского фундамента, оно стоит на песке позитивистских концепций».

Вывод руководителей издательства «Наука» был запелляционным и категорично исключал возможность продолжения работы над рукописью: «По вышеизложенным причинам мы считаем, что работа А.Н. Алексеева издана быть не может, а поскольку речь идет не о частных недостатках рукописи, а ее ошибочной методологической основе, это не позволяет говорить и о какой-либо доработке. Редактор Г.А. Щербакова. Гл. редактор Е.П. Сидоренко. Зав. редакцией исторической и философской литературы С.В. Солтаков».

Важно сказать, что вместе с книгой Алексеева издательство отказало в издании еще двум рукописям известных ленинградских социологов: монографии С.И. Голода «Мораль, личность и семья» и сборнику статей «Молодежь в социальной структуре общества» под редакцией И.И. Леймана, о чем руководителя Ленинградских секторов Института философии АН СССР чл.-кор. АН СССР Б.А. Чагина уведомили специальным письмом директор издательства Д.С. Рыжаков и гл. редактор Е.В. Стукалин 27 сентября 1973 г.

Начало социологической биографии А.Н. Алексева было блестящим и удивительным. За время обучения в аспирантуре и в последующие два года Алексеву удалось выполнить важные исследовательские дей-

ствия в области социологической теории и методологии: он предложил социологическую теорию массовой коммуникации, соответствующую мировым трендам социологической мысли 1960-х — начала 1970-х гг., разработал авторскую версию методологии контент-анализа, провел серию эмпирических исследований массовой коммуникации, включая контент-аналитический анализ и социальный эксперимент. Основные положения монографии были представлены автором во многих научных статьях, опубликованных в 1960-1970-е гг., всего опубликовано по данной теме в эти годы около 30 научных статей. Материалы исследований Алексева подробно представлены в обобщающих теоретических и методологических работах Б.М. Фирсова, В.А. Ядова, в последующих биографических исследованиях творчества Алексева. Теоретическая основа и методология первых исследований стала основой последующих исследований Алексева, активно дополнялась и развивалась автором.

Содержание рукописи монографии Алексева остается, конечно, документом советского времени, но — подчеркну — одним из лучших образцов профессиональной советской социологии 1960-1970-х. В ней, в частности, ясно представлено авторское инакомыслие и нетерпимость к каким-либо формам академической и гражданской сервильности. Предполагаю, что для самого Алексева история с рукописью стала своего рода «точкой невозврата» в следовании советским практикам интеллектуальной работы в рамках традиционной академической социологии. Времена во второй половине 1970-х и особенно в первой половине 1980-х наступили другие. Неслучайно Алексеев редко вспоминал о своем первом социологическом опыте. Основные материалы первых исследований — теоретические и методологические — были опубликованы в статьях, и рукопись монографии автор положил на полку в домашнем архиве.

С середины 1970-х Алексеев уже работал над новыми исследовательскими темами и занимался иными практиками интеллектуального и социального действия, и он сам «конструировал» новые проекты: «Ожидание перемен», «Наблюдающее участие», «Моделирующие ситуации», «Архив-коллекция нетрадиционных периодических изданий и документов общественных движений», «Биографический метод» и др. Начало социологии Алексева было драматичным, такими же драматичными оставались его исследования в последующее время. Пятьдесят лет яркой профессиональной истории.

В завершение приведу последний абзац книги, посвященный «всемогуществу слова», который сводится к цитате из Лукиана, описывающего Геракла как глубокого старика, увлекающего за собой людей, привязанных золотыми цепочками за уши к его языку:

«И вот люди, увлекаемые столь слабой цепью, даже не помышляют о бегстве, хотя они могли бы легко убежать, и вообще не сопротивляются и не ногами не упираются, не откидываются всем телом назад, борясь с увлекающей цепью, напротив, со светлыми и радостными лицами они следуют за уводящим их богом, и, славословя его в один голос, сами спешат и, желая забежать вперед, ослабляют узы и, кажется, опечалены будут, если получат свободу» (Лукиан. Собрание сочинений, т.2, М.-Л., 1935, с.723)» .

²⁷ В рукописи «исторический материализм» упоминается автором дважды как общесоциологическая «предпосылка» теории массовой коммуникации. Тему «базиса и надстройки» Алексеев в рукописи не обсуждает, но, изучавший теорию Маркса по оригинальным текстам на немецком языке, обращается к текстам молодого Маркса неоднократно, рассматривая массовую коммуникацию как «надстройку».

Литература

- Алексеев А.Н. Средства массовой информации (проблемы теории и методологии исследования). Рукопись. 1973. — 242 с. // Архив ЕУСПб.
- Алексеев А.Н. Некоторые проблемы социологического изучения массовой коммуникации (на примере прессы). Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. кандидата философских наук (специальность 620 — исторический и диалектический материализм). — Новосибирск, 1970.
- Алексеев А.Н., ред.-сост. Методологические и методические проблемы контент-анализа (Тезисы докладов рабочего совещания социологов). Ч.1-2. — М.-Л. — 1973.
- Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауто-рефлексия. Т. 1-4. — СПб.: СИ РАН, «Норма», 2003-2005.
- Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия — социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН — 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. Тт. 1-4. — СПб.: НИЦ «Мемориал», «Норма», 2010.
- Болде В., Докторов Б.. Портреты российских социологов. Интервью для Радио Свобода. — М.: ЦСПиМ, 2012.
- Докторов Б.З. Современная российская социология: История в биографиях и биографии в истории. — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
- Докторов Б. Нескончаемые беседы с классиками и современниками. Опыт историко-биографического анализа. М.: ЦСП и М, 2018.
- Фирсов Б.М. История советской социологии 1950-1980-х гг. — СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2001.
- Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. — М.: Академкнига, 2003.